

ПРОБЛЕМА ПРАТЕКСТА / ИНТЕРТЕКСТА И НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОМАНА В. НАБΟКОВА «КОРОЛЬ, ДАМА, ВАЛЕТ»

О. Любезная

Литературоведение 90-х гг. продолжает искать объяснение феномена В. Набокова. Его называют признанным классиком постмодернизма, и его роман «Король, дама, валет» следует рассматривать как явление постмодернистской литературы со всеми присущими этому направлению специфическими чертами.

Постмодернистский текст – это «не готовая вещь, а процесс взаимодействия художника с текстом, текста с пространством культуры, с материей духа, текста с художником и с самим собой» [1].

Постмодернизм дает новое определение творческому процессу, характеризуя его как процесс деконструкции – реконструкции. Такая работа, по уничтожению и восстановлению образа в набоковских текстах, сопротивляющихся однозначному прочтению, идет постоянно.

Самый внешний уровень, на котором проявляется постмодернистское сознание, – это обильная цитатность текстов. Собственно, и Набоков насквозь цитатен: в его текстах немало скрытых аллюзий, он постоянно обыгрывает мифы, известные сюжеты, затвердевшие эстетические конструкции – реалии не жизни, а культуры. Все это с неизбежностью влечет за собой возникновение проблемы «пратекста», при рассмотрении которой имеются в виду те произведения, где текст заявляет о себе со всей возможной настоятельностью. Например, у Вийона, Рабле, Шекспира, Лотреамона, Малларме, мечтавшего о Книге, которая сумеет разом вобрать в себя всю культуру; у Жарри, у Джойса, у У. Эко в романе «Имя Розы».

Реминисцентная насыщенность текстов – еще одна отличительная черта «игровой» поэтики В. Набокова. Причем реминисцентные линии являются связующим звеном между «пратекстом» и «новообразованием» писателя. Известно, что для Набокова русская классика была неким священным писанием. Возможно поэтому так называемыми «источниками» замысла романа «Король, дама, валет» являются произведения русской классической прозы 19 века. А именно: «Анна Каренина» и «Крейцера соната» Л.Н. Толстого, «Гроза» и «Бесприданница» А.Н. Островского, «Дым», «Фауст» и «Вешние воды» И.С. Тургенева, «Цыганы» и «Каменный гость» А.С. Пушкина, «Идиот» Ф.М. Достоевского, «Кто виноват?» А.И. Герцена, «Поединок» А.И. Куприна, «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова.

При этом наиболее частыми и сильными в романе являются скрытые аллюзии к творчеству Л.Н. Толстого, точнее к его роману «Анна Каренина». Это ощутимо во многих описаниях романа: в первых эпизодах Марта, как и Анна, в черном; любовь у обеих героинь вызывает нарастающее отвращение к мужу; тема страсти переплетается с иносказательным переосмыслением мотива еды и насыщения; обе женщины переживают неудачу своих возлюбленных в «поединке».

Главной идеей романа «Король, дама, валет» становится тема рока, управляющего жизнью человека. И во многом драматургия произведения строится на противоречии ожидаемого и действительно происходящего. Складывается особая конфликтная ситуация «человек – внешний мир». Обладая неисчерпаемым запасом времени и неограниченной возможностью возобновлять игру, внешний мир неизбежно переигрывает каждого отдельного человека. Как и в случае с Германном из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, когда Марте кажется, что *она* играет, оказывается, что *ей* играют. Свидетельства этому – многочисленные «знаки судьбы», присутствующие в тексте произведения. Так возникает цепочка героев: *Франц – Марта – Менетекел-фарес*, – что объясняется сюжетной необходимостью. С такой цепочкой встречаемся и в произведениях русской классической литературы: *Луиза* –

Германи - старая графиня в «Пиковой даме» А.С. Пушкина, *София - Родион Раскольников - старуха-процентщица* в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского.

Всякий текст есть между - текст по отношению к какому - то другому тексту, поэтому в качестве интертекста к роману «Король, дама, валет» предлагается рассматривать «Истинную жизнь Себастьяна Найта» В. Набокова. Тексту, согласно Р. Барту, присуща множественность, текст намного шире произведения, «в нем происходит взрыв, рассеяние смысла»[2]. Именно такой, объединяющей два набоковских текста, является тема «художник истинный - художник ложный», введенная в романе «Король, дама, валет» через «прозрачные предметы». То, что лишь заявлено образами Менетекелфареса и изобретателя, получает в тексте романа «Истинная жизнь Себастьяна Найта» свое развитие и логическое завершение: герой незаметно для самого себя становится марионеткой, которой движет добрая или злая, но чужая воля, втягивается в игру, правила которой заданы.

Интересно и то, что персонажи обоих романов Набокова оказываются охарактеризованными через одну и ту же художественную деталь.

Таким образом, можно сделать вывод, что с точки зрения проблемы пратекста для художественной системы В. Набокова важно не только разгадать шараду и назвать зашифрованного автора, но и понять, в чем смысл заданной автором реминисцентной организации.

Литература

1. Курицын В. Постмодернизм: новая первобытная культура // Новый мир. -1992. -№2. -С.226.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. -М.: Прогресс, 1989